

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Лебедева А.А.,

Финансовый университет, Пензенский филиал, г. Пенза

Аннотация. Введение экономических санкций и контрсанкций продемонстрировало, что переход России к новому технологическому укладу является задачей обеспечения национальной безопасности. Необходимо перестроить направления внутренней политики и реформировать общественные институты с целью активизации инновационной деятельности. Для реализации данной задачи нужно сформировать эффективные схемы взаимодействия государства, науки и бизнеса, создать систему стимулов для развития инновационного предпринимательства и привлечения инвестиций.

Ключевые слова: санкции; контрсанкции; эмбарго; инновационная деятельность; инновационное предприятие; инновационный процесс; концепция инновации; новация; инновации.

THE IMPACT OF SANCTIONS ON THE INNOVATIVE POTENTIAL OF RUSSIAN ENTERPRISES

Lebedeva A.A.

Abstract. The imposition of economic sanctions and counter-sanctions demonstrated that Russia's transition to a new technological system is the task of national security. It is necessary to rebuild the domestic policies and reform public institutions in order to foster innovation. To implement this task, you must create an effective scheme of interaction between government, science and business, to create incentives for the development of innovative entrepreneurship and investment.

Keywords: sanctions; counter-sanctions; embargo; innovation; enterprise innovation; innovative process; the concept of innovation; innovation; innovation.

Санкции в связи с украинским кризисом являются наиболее сильными за всю историю России, как по количеству задействованных стран, так и по масштабам принятых мер. Инициатором санкций выступили США, главной целью которых была изоляция России на мировой арене и удар по возрождающейся российской экономике. Позднее под мощнейшим американским экономическим и политическим давлением к ограничительным мерам присое-

динился Евросоюз, хотя некоторые европейские страны высказывались против подобных мер. Все понимали, что пострадает не только Россия, но и страны Запада, которые связаны с Россией тесными экономическими связями. В дальнейшем санкции поддержали страны – сателлиты США, такие как Австралия, Япония, Канада, а также страны – кандидаты в члены Евросоюза.

Принятые меры ограничивают доступ российских банков и компаний к рынку капитала

Научный руководитель: **Седлецкий А.В.**, кандидат социологических наук, доцент, Финансовый университет, Пензенский филиал, г. Пенза.

Евросоюза, а также затрагивают российскую сырьевую сферу, авиастроение, оборонный комплекс. Были также составлены списки российских граждан, которые, по мнению Запада, причастны к событиям на Украине. Попавшим в эти «черные списки» запретили посещать страны, которые ввели санкции. Кроме того, принадлежащие этим лицам капиталы и активы, если таковые будут найдены, подлежат заморозке. В чем именно состоит причастность России, внятно доказать так никто и не смог. Не были приведены доказательства российского вторжения, поставок оружия или иной деятельности, которая бы дестабилизировала обстановку.

Примечательно, что новый пакет ограничительных мер был принят сразу после начала Минского перемирия, на котором, при посредничестве России, удалось добиться относительного прекращения боевых действий на Донбассе и частичного отвода войск. Данный факт окончательно подтвердил, что антироссийские санкции были введены не ради Украины, а против России, в надежде обострить протестные политические процессы внутри страны, в ходе которых сменилась бы власть на более приемлемую для США.

Правительство РФ неоднократно заявляло, что политика давления не принесет результатов и на все попытки изолировать или ослабить Россию будет дан соответствующий ответ. Только в отличие от действий ЕС, который не способен проводить курс независимой политики, ответные меры России не будут применяться в том случае, если могут нанести ущерб российской экономике.

Первым ответным шагом России стал неожиданный для Запада запрет на ввоз продовольствия из стран, которые ввели санкции против РФ. Касается это в основном стран Евросоюза, многие из которых ранее осуществляли крупномасштабные поставки сельхозпродуктов в Россию. Запрет на ввоз европейских продовольственных товаров позволит России дополнительно поддержать собственное сельское хозяйство, которое и без того довольно успешно развивается. Кроме того, планируется увеличить поставки из более дружественных к России государств — например стран Таможенного союза (Республики Беларусь и Казахстана), а также из стран Азии и Латинской Америки (еще до

конца 2014 г. был увеличен объем поставок из Бразилии, Аргентины и Ирана).

Весьма возмущены ответными санкциями американцы (хотя они в наименьшей мере пострадали от них): в опубликованном в декабре 2014 г. докладе офиса торгового представителя США утверждается, что Россия нарушила принципы Всемирной торговой организации (ВТО), введя ограничения в ответ на санкции США, Евросоюза и ряд других стран. То, что сами антироссийские санкции со стороны Запада являются нарушением принципов ВТО, американцы лицемерно не учитывают.

По итогам 2014 г. импорт в Россию из США вырос на 23%, а импорт в Россию из ЕС упал на 7–10% (в частности, импорт из Германии упал на 3,9%). Эти цифры хорошо показывают, что от введения антироссийских санкций терпит убытки Европа, а не США.

Европейские фермеры, особенно в Южной и Восточной Европе, серьезно пострадали от российского эмбарго. Это одна из причин, по которой правительства ряда европейских стран пытаются противодействовать введению новых санкций против России.

Широкую известность получила история с польскими яблоками, экспорт которых в Россию Польша была вынуждена прекратить. Яблоки остались не востребованы — их не удалось пристроить ни в другие европейские страны, ни, тем более, в США. Та же участь постигла и многие другие европейские фрукты и овощи, гниение которых стало поводом для многочисленных демонстраций европейских фермеров.

Санкции против России и ответные меры РФ принесли странам ЕС убытки в 5 млрд евро, а не входящей в ЕС Норвегии — убытки в 1 млрд евро.

Председатель Российско-Германской внешнеторговой палаты и председатель Совета директоров крупнейшей нефтегазовой компании Германии *Wintershall* Райнер Зееле заявил о том, что антироссийские санкции больше ударили по Европе, нежели по России: «Санкции возымели очень ограниченный эффект. Нынешний экономический спад в России был, скорее, вызван падением цен на нефть. Санкции больше ударили по странам Западной Европы — в силу особенностей их торгового баланса с Россией. Россия стала меньше импортировать — соответственно, объемы европейского экспорта сократились.

Я не сторонник введения дополнительных санкций в отношении России».

В сентябре 2014 г. изменения ассортимента на полках магазинов в связи с введением продуктовых санкций заметила лишь пятая часть населения, в октябре этот показатель несколько увеличился — до 26%. Причем по-прежнему внимательнее к ассортименту относятся жители крупных городов и граждане с доходами выше среднего. Внести изменения в состав своей привычной продуктовой корзины в связи с санкциями пришлось десятой части российских домохозяйств. А 8% россиян признались в том, что начали покупать альтернативные исчезнувшим марки и бренды. Месяц назад такой ответ давали вдвое меньше респондентов. То есть можно утверждать, что россияне постепенно приспосабливаются к новым продуктовым реалиям.

Опрос проводился по общероссийской национальной выборке. В исследовании приняли участие 1500 россиян в возрасте от 18 до 60 лет, проживающих во всех федеральных округах и во всех типах населенных пунктов, в том числе и в сельской местности.

Респондентам был задан вопрос о том, заметили ли они изменения ассортимента на полках магазинов в связи с введенными продуктовыми санкциями. И если месяц назад утвердительно на этот вопрос отвечал каждый пятый респондент, то в октябре такой ответ дал каждый четвертый россиянин.

Выявленные изменения не стоит называть разительными. Однако нельзя игнорировать тот факт, что увеличилась доля россиян, отметивших полное исчезновение привычных им марок с полок магазинов.

В целом об изменениях на полках чаще, чем в среднем по выборке, говорили жители крупных городов и миллионников, респонденты с высоким доходом. В разрезе регионов наибольшее число респондентов, отметивших те или иные изменения ассортимента, были выявлены в Центральном федеральном округе и на Урале — 35 и 32% соответственно.

Как и в предыдущем опросе, респондентам, которые отметили изменения в ассортименте магазинов, был задан вопрос о том, произошли ли изменения в их продуктовой корзине в связи с этим. И если в сентябре утвердительно на этот вопрос ответили 37% опрошенных, то

в октябре этот показатель немного вырос — до 41%. В пересчете на все население страны получается, что 10% россиян пришлось внести коррективы в свой привычный продуктовый набор.

Как и в сентябрьском опросе, лидерами по вынужденному изменению своей продуктовой корзины стали жители Северо-Западного региона страны, так как именно там традиционно было широко присутствие финских товаров и брендов. После их исчезновения жителям региона поневоле пришлось искать замену.

И в заключение респондентам, корзины которых претерпели изменения из-за санкций, был задан вопрос о том, как они отреагировали на исчезновение привычных марок. В этом вопросе поведение потребителя значимо поменялось.

Так, в сентябре о покупке альтернативных марок заявили 48% респондентов. В октябре же к такому стилю покупок перешли уже 74% опрошенных. Таким образом, в целом по стране почти 8% россиян решили заменить исчезнувшие марки и бренды альтернативными. Месяц назад, напомним, таковых было почти вдвое меньше.

Вопрос задавался только тем респондентам, которые изменили содержание своей продуктовой корзины в связи с санкциями.

За месяц сократилось число осторожных покупателей, которые в связи с эмбарго решили временно воздержаться от покупки альтернативных марок. Такую позицию в сентябре занимали 35% респондентов, а в октябре — уже только 24%. В масштабах страны доля до сих пор воздерживающихся от перехода на альтернативные марки составляет всего 2,5% потребителей.

На запасах, сделанных еще до исчезновения «запрещенных» продуктов, по-прежнему живут 12% опрошенных, что в целом по стране дает показатель чуть более 1%. Среди них особенно выделяются жители мегаполисов из центра страны, т.е. скорее всего москвичи.

В феврале 2015 г. глава МИД Испании Хосе Мануэль Гарсиа-Маргальо сообщил, что из-за санкций против России Евросоюз потерял 21 млрд евро.

В марте 2015 г. министерство сельского хозяйства Польши сообщило о значительном росте импорта продуктов питания из России — Польша купила у России продуктов на 160,6 млн

евро, что на 78,9% больше, чем в 2013 г.: «Такого бума на российские агропищевые продукты никогда не было». При этом польский экспорт в Россию после введения продуктового эмбарго упал почти на 30% — до 880 млн евро.

В июне 2015 г. Президент России Владимир Путин оценил в 100 млрд евро потенциальные потери европейских компаний от антироссийских санкций.

31 августа польский министр сельского хозяйства Марек Савицкий, выступая в Берлине перед прессой, заявил, что российские контрсанкции негативно сказались на развитии европейского аграрного рынка. Так, Польша экспортирует в Россию сельхозпродукцию на сумму более 1,3 млрд евро, а сегодня ее возможности сильно сокращены. В России происходит импортозамещение многих товаров, ввоз которых прекратился из-за санкций — даже тех, которые ранее в России не производились. Так, в Свердловской области начали производство мясного деликатеса — хамона. Сообщалось также о начале производства сыра Пармезана в Татарстане, Камамбера и Маскарпоне на Алтае, Моцареллы в Оренбурге. Именно прекращение ввоза хамона и Пармезана в наибольшей степени возмутило представителей креативного класса.

В 2015 г. во Владикавказе, столице Северной Осетии, начали производить итальянские сыры — Моцареллу и Рикотту. В июле 2015 г. в Коломенском районе Московской области открыто первое производство деликатесного мяса виноградных улиток в России.

В 2014 г. российские производители компенсировали около 60% вышедшего из-за продуктового эмбарго импорта мяса (всего выбыло 670 тыс. т). Продолжает расти производство собственного мяса и молока; производство сыров в РФ в 2014 г. выросло почти на 15%, а в январе 2015 г. еще на 35%. В первом квартале 2015 г. в России было произведено 1,545 млн т мясной продукции, что на 15,2% выше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

В условиях смены глобального технологического уклада (второй машинной или третьей промышленной революции) «закрытие» страны идет вразрез с коренными интересами общества. Оно не оставляет надежд даже на новый виток «догоняющей» модернизации, не говоря

уж о переходе страны на современную модель органического роста.

Реанимация традиционных для России «количественных» задач (от «удвоения ВВП» до обеспечения любыми силами 40% прироста перевозок «на восточном полигоне железных дорог») — свидетельство о наличии в сознании нашей элиты консервативного похода. Попытка нарастить централизованные инвестиции при отсутствии рыночных сил на низовом уровне — бессмысленная трата сил и средств.

Успешное экономическое развитие России требует отхода от традиционно «российско-советских» методов хозяйствования, а не их укрепления. Прежде всего следует максимально использовать (как это сделали все быстро развивавшиеся экономики Азии) возможности заимствования технологий, управленческих практик и переманивания специалистов из развитых стран. Кроме того, не стоит бояться замедления темпов роста — эту паузу следует использовать для радикальной структурной перестройки (раз уж мы потеряли такую возможность в кризис 2008–2009 гг.) [1, с. 23].

Наконец, особое внимание следует уделять не макроэкономической стабильности и созданию «институтов развития» на национальном уровне, а выращиванию той низовой среды, которая может быть восприимчивой к импульсам правительственных планов.

«Пассивы» в нынешних российских условиях находятся довольно легко даже в условиях ограниченности внешнего финансирования. Они, как показывает история, всегда в основном были внутренними. Проблема в том, что нам нужно радикально пересмотреть качество «активов», которые будут формироваться за счет этих средств.

Дискуссии о российской экономике часто заводят не туда: вместо того чтобы обсуждать, кого финансировать, говорят лишь о том, где взять это финансирование. Слишком активное прямое участие государства в экономике и недоверие к предпринимательству постоянно заводят Россию в «модернизационные круги» незавершенных реформ. Доходы и инвестиции оторваны друг от друга: государство забирает ресурсы из эффективных бизнесов, затрудняя их рост, и перераспределяет их в менее эффективные, где они не могут создать новых

«точек роста». Без решения этих проблем развитие российской экономики невозможно [3, с. 5].

Необходим демонтаж механизмов и институтов финансирования экономики за счет государственных средств. И прежде всего нужно пересмотреть отношение к государственным компаниям и проектам. Сегодня «Роснефть» просит у государства 1,5 трлн руб. «Ростехнологии» так и не удивили нас ни одним действительно инновационным продуктом — зато в последнее время инвестируют то в один, то в другой проект в сырьевом секторе (угольные месторождения «Удоканское медное», «Огоджинское» и т.д.). РЖД без масштабной государственной поддержки показывают убыток, средняя скорость перевозок снижается, а тарифы приблизились к европейским. Про стоимость строительства дорог или стадионов мы и не говорим [6, с. 42].

Но еще важнее, что их поддержка демотивирует успешные бизнесы — искажает условия конкуренции, завышает стоимость проектов, растрчивает бюджетные ресурсы и фонды, которые могли бы поддерживать здоровую часть экономики [4, с. 4].

Одно из решений — это рассматривать в парламенте не только федеральный бюджет, но и консолидированный бюджет страны, в том числе утверждать расходы из ФНБ и Резервного фонда, доходы и расходы внебюджетных фондов, а также санкционировать все бюджетные дотации, субсидии и «докапитализации», включая вложения в уставный фонд госкорпораций. Российскую налоговую систему необходимо трансформировать и сделать более справедливой. Сегодня налоги собираются так, что федеральный бюджет получает в основном доходы, так или иначе связанные с валовым результатом и издержками (экспортные пошлины, НДС, НДС), а региональные бюджеты — доходы, зависящие от эффективности хозяйствования (налоги на прибыль и доходы физических лиц). В итоге и у центра, и у регионов снижается заинтересованность в более эффективной экономике: у первого — в силу избыточности ресурсов, у вторых — из-за почти полного отсутствия ресурсов. «Инвестиционная» система федерального центра в последние годы ориентирована не на инвестиции, а на траты. «Институты развития» и государственные банки приходится постоянно

докапитализировать, хотя их финансовые результаты не улучшаются.

Сдвиг «инвестиционной» активности в сторону инфраструктуры обусловлен, на наш взгляд, особой непрозрачностью и принципиальной неокупаемостью соответствующих трат. ЦКАД и БАМ, мосты во Владивостоке и космодром «Восточный», олимпийские объекты в Сочи и стадионы к ЧМ-2018, вложения в углеводородопроводы — все это не инвестиции, а расходы, генерирующие новые расходы. Они могут поднять статистические показатели ВВП на какой-то процент в год, что позволит написать промежуточный отчет: Россия не скатилась в рецессию. Но они же порождают новые постоянные расходы, которые будут устойчиво снижать эффективность экономики в целом [2, с. 86].

Действующая система практически уничтожила реальную конкуренцию регионов и стала одним из факторов, останавливающих экономический рост в стране. Трансформация этой системы требует снизить долю налогов, поступающих в федеральный бюджет, и перенаправить значительную их часть в регионы.

Необходимо перенесение акцента с государственного и около-государственного бизнеса на частный. Фундаментальная проблема России не в том, что у нас нет инноваций или новых технических решений, а в том, что их трудно коммерциализировать. Добычу сланцевого газа мы могли начать еще в 1970-е гг., но ее начали американцы в 2000-е. Строительство на основе трубобетона в СССР можно было запустить в начале 1980-х, но оно развернулось в Китае в начале 2010-х. Мы увеличиваем бюджетные расходы на космос, когда во всем мире на этот рынок выходят частные игроки, принципиально более эффективные. В России все «стратегические» предприятия унаследованы из сталинско-брежневской эпохи [7, с. 29].

В настоящее время российский экспорт на 76% состоит из нефти и газа. От этого экспорта доходы достигают 19% ВВП в рыночных ценах. Наполнение федерального бюджета на 28% происходит за счет экспортных пошлин. Прибыль «Газпрома» и «Роснефти» в 2015 г. составила 1,520 трлн руб. до налогообложения.

В такой стране, как Саудовская Аравия экспорт нефти превышает российский по объему, а

отношение стоимости продаваемого страной за рубеж «черного золота» к ВВП составляет 50%. В Кувейте последний показатель (включая нефть и газ) достигает 57%, а в Катаре — 54%. В этих странах энергетические компании принадлежат народу, они действительно являются национальным достоянием. Их доходы идут в бюджет.

«Налоговой нагрузкой на экономику» называется интегральный показатель бюджетной политики и, согласно расчетам, приводимым в Index of Economic Freedom за 2014 г., он составляет в Саудовской Аравии — 3,7%, в Катаре — 2,9%, а в Кувейте — 0,8% ВВП.

В нашей стране интегральный показатель бюджетной политики находится на уровне 34,9% ВВП. В 2016 г. доходная часть федерального бюджета России должна составить 14,5 трлн руб. 49% от этой суммы приходится на экспортные пошлины и налог на добычу полезных ископаемых. Если дополнить бюджет прибылями как «Газпрома», так и «Роснефти», то доля «сырьевых» поступлений может достигнуть 61%.

В случае повышения экспортных пошлин на 25%, показатель дойдет до 70%.

И если добавить прибыли государственных же Сбербанка, ВЭБа и ВТБ, федеральный бюджет будет наполнен на 75%. НДС и налог на прибыль можно сократить как минимум в два раза. Так как федеральный бюджет теряет на воровстве до 1 трлн руб. в год, то нужно начать не только пресекать коррупцию, но и отказаться от десятков бессмысленных государственных программ [5, с. 3].

Дело еще в том, что бюджетная система не исчерпывается федеральным бюджетом: есть и бюджеты регионов, и местные бюджеты. Общая сумма их доходов составляет 8,4 трлн руб. Государство будет обеспечивать себя платежами за принадлежащие всему народу недра и за находящееся в собственности граждан и компаний имущество.

Следует отменить налог на прибыль, НДС, ввозные пошлины и даже налог на доходы физических лиц. Главная цель такой реформы — полностью освободить от налогообложения любую производственную деятельность в несырьевом секторе. В условиях России эта задача вполне реализуема. Из производственного сектора перестанет изыматься до 175 млрд долл. США в год — половина той суммы, которая пришла в

нашу страну в качестве прямых иностранных инвестиций более чем за 20 последних лет. Россия может стать самым привлекательным офшором в мире — при этом единственным офшором с огромным внутренним рынком и более чем стомилионным населением. В экономике начнут создаваться миллионы рабочих мест, возникнет спрос на инновации, начнется приток иностранных инвестиций. Через 10–20 лет Россия перестанет быть сырьевой державой и превратится в промышленно-сервисную страну. Можно будет задуматься о сокращении трат на пособия и пенсии ввиду того, что уровень жизни населения повысится (такой вариант позволит сохранять предложенную систему очень долго), либо начать медленное повышение налогов — но уже в совершенно иной экономике, где лидирующие позиции будут занимать промышленники, а не сырьевики, где сложится широкий средний класс, принципиально не зависящий от государства и способный ставить ему условия, и где иностранный капитал будет одной из главных опор экономического роста. На протяжении последних десятилетий необходимость трансформации российской экономики в постиндустриальную стадию является актуальным вопросом среди экономистов. В среде власти и бизнеса предпринимаются шаги по его практической реализации.

События 2014–2016 гг. на Украине, повлекшие за собой введение экономических санкций и контрсанкций, продемонстрировали, что переход России к новому технологическому укладу является задачей обеспечения национальной безопасности.

Следует перестроить направления внутренней политики и реформировать общественные институты с целью активизации инновационной деятельности. Для реализации данной задачи нужно сформировать эффективные схемы взаимодействия государства, науки и бизнеса, создать систему стимулов для развития инновационного предпринимательства и привлечения инвестиций. Несостоятельность существующей модели российской экономики состоит в сильной зависимости от конъюнктуры мирового рынка энергоресурсов, которая привела к дестабилизации рубля и кризису на отечественных рынках. Введение эмбарго на экспорт высокотехнологичных товаров со сто-

роны США и ЕС повлекло за собой остановку развития отечественной промышленности на основе заимствования зарубежных технологий, снижение уровня кооперации с иностранными производителями инновационных товаров. Закупки высокотехнологичного оборудования за рубежом могут привести к зависимости от иностранных партнеров. Для модернизации и технологического развития отечественной промышленности необходимо перейти к стратегии импортозамещения. Изменение структуры торговли окажет позитивное воздействие на отечественного товаропроизводителя, так как вместо покупки технологий нужно будет объявлять конкурсы внутри страны. Переход к импортозамещению в условиях внешнеэкономических санкций должен способствовать развитию высокотехнологичных предприятий в потребительском секторе.

Для обеспечения такого варианта событий резервы в нашей стране имеются в достаточном количестве. В отечественной экономике произошли негативные перемены: отток капитала 100–120 млрд долл. США, падение инвестиций в основной капитал, сокращение ВВП за 2014 г. Все это показывает кризисную ситуацию, связанную с несоответствием требованиям постиндустриальных реалий к существующему технологическому укладу и организации социально-экономической системы.

В рейтинге глобальной конкурентоспособности российская экономика занимает 64-е место. Несмотря на имеющийся в стране потенциал сырьевых, человеческих и производственных ресурсов, данный показатель является очень низким. От введения экономических санкций за 2014 г. прямые потери инновационной отрасли составляют около 50 млн долл. США.

Помимо развивающей функции для отечественного инновационного бизнеса, санкции и контрсанкции оказывают и сильное негативное влияние. Доля России в мировой инновационной системе составляет меньше 1%. Данное обстоятельство объясняется выпадением нашей страны из мировой технологической гонки в 80–90-е гг. XX в.

Необходима модернизация всех основных институтов общества, реализация преобразований, направленных на подъем экономического развития. Проведение реформ должно сопровождаться ликвидацией коррупции и бюрократии. Необходимым является формирование доверия института предпринимательства к правозащитным институтам. Способствовать дальнейшему движению страны в направлении постиндустриализма будет построение развитого гражданского общества. Для развития инновационной активности региональных российских компаний следует усилить связи между бизнесом, наукой и университетами.

Литература

1. Забелин А.Г., Шипулин В.Ю. Национализация как одна из государственных мер по поддержке экономики в условиях мирового финансового кризиса // Сборник научных статей участников IX Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных наук», 2015.
2. Забелин А.Г., Шипулин В.Ю. Особенности кредитования малого и среднего предпринимательства в условиях кризиса // Сборник научных статей участников Всероссийской научно-практической конференции «Математика, информатика, естествознание в экономике и в обществе», 2015.
3. Зубов В.В., Иноземцев В.Л. Почему любая модернизация в России заканчивается тупиком // РБК-Daily. 29.09.2014. С. 6.
4. Зубов В.В., Иноземцев В.Л. Как России начать новую модернизацию // РБК. 01.10.2014. С. 5.
5. Иноземцев В.Л. Государству нужен договор с бизнесом, чтобы выжить // РБК-Daily. 31.03.2014. С. 4.
6. Иноземцев В.Л. Россия без налогов: миф или возможность? // Московский комсомолец. 09.04.2014. С. 3.
7. Иноземцев В.Л. Как санкции ударят по России. М.: Алгоритм, 2014. 280 с.
8. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия — 2050: стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2015.